

А. Е. Пискунова

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КОНСТРУКТ ВОСПРИЯТИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕРНОСТЬ НОВОКУЗНЕЦКА

Настоящая статья обращается к пониманию проблематики «человека в городе». Для городского человека фундаментальной оказывается смысловая интенциональность в отношении городского пространства — континуума сосуществования, коммуникаций, взаимодействий, отношений и потребностей. В исследовании предложена перспектива осмысления пространства города как ценностно-смысловой конструкции реальности, оформленной в процессе субъективного восприятия. Постановленная проблема предполагает аналитическую работу в рамках антропологического подхода к пониманию городской жизни. Интерпретация многообразия содержаний пространственных опытов горожан как ситуационно-смысловых согласуется с феноменолого-когнитивной трактовкой городского пространства и осуществляется в коммуникативно-семиотическом ключе.

Пространство города, переживаемое как антропологический феномен, становится соразмерным человеку через специфику конкретного предметного пространства и «городского воображаемого», ситуативного и фиксированного на городе сознания. В восприятии городского пространства свою релевантность обретают материальное измерение (создаваемая людьми материальная обстановка: транспортные системы, парки, здания, сооружения и прочее), социальное измерение (социальные интеракции и действия индивидов и групп, образ использования индивидами или группами части городского пространства и его воспроизводство), символическое измерение (то, как определенные знаки, символы, системы репрезентации, образы конструируют места). В целом, пространственный опыт горожанина задается смысловой дихотомией в разной степени «обжитых» и «необжитых» городских пространств, где на одном полюсе находятся часто посещаемые места, вписанные в обыденный порядок жизни, а на другом — редко или вовсе не посещаемые части города, текстура пространства которых отличается от повседневной, то есть физически, психологически, ментально не освоенные.

Делается вывод о том, что необходимость упорядочивания разрозненных ощущений и переживаний пространства города и формирования целостного образа города становится для горожанина задачей смыслового и аксиологического соотношения себя с конкретными местами, которое может быть понято через акцентуацию пространств повседневной жизнедеятельности, особенностей (социального) видения в городе и субъективных переживаний событийности городской жизни.

Ключевые слова: *городское пространство, образ города, восприятие пространства, антропология города, повседневность, топология.*

Сегодня большая часть населения мира живет в городах, и процессы урбанизации неизбежно будут — в плане географических и социокультурных пространств — расширяться и углубляться и дальше (Prato, Pardo, 2013). В современных условиях необходимо комплексное социально-гуманитарное осмысление этих процессов, которое сфокусировано как на глобальных, так и на локальных явлениях и эффектах. В рамках городских исследований (urban studies), междисциплинарного исследовательского поля высокой концептуальной и методологической разнородности, предложено понимание многообразия измерений экономических, политических, социокультурных аспектов городской жизни. Определяя актуальные направления аналитической работы в изучении города, нельзя не отметить две устойчивые тенденции исследований. Во-первых, становится востребованным индуцируемый пространственным поворотом (spatial turn) в социальных и гуманитарных дисциплинах (Бахманн-Медик, 2017: 338–393) анализ города, осуществляемый через призму *пространственности* (Сертакова, 2014). Во-вторых, в современных исследованиях города также отмечается смещение фокуса исследований с традиционного изучения его как историко-географического, политико-административного и экономического объекта на осмысление

тех феноменов, которые символически и ментально детерминируют городскую реальность (Гарнага, 2020). Наблюдается устойчивый культурный (символический) сдвиг, призванный продемонстрировать тесную связь культуры города, городского сообщества и городской среды (Федотова, 2020). Учитывая идейно-концептуальный контекст современных городских исследований, представляется актуальным изучение пространства города в его связи и взаимодействии со смысловыми, знаково-символическими структурами и коллективными представлениями.

В основу такого исследования с необходимостью должен быть положен антропологический подход, ориентированный на понимание «ключевых форм человеческого переживания города как сферы перманентной культурно-коммуникативной активности» (Аванесов, 2018: 14). Он позволяет осмыслить не только социальные аспекты структурирования совместной жизни горожан, но и акцентировать его культурные импликации. В данной перспективе город видится как устойчивый культурный конструкт, динамическая система смыслов, образов, ценностей, формирующая своеобразие *городского теста культуры* (Потанина, Голлобов, 2012), который может быть прочитан исследователем на основе продуктивного сближения семиотики и урбанистики в общем контексте антропологического знания.

Разработка антропологии городского пространства, учитывающей аспекты городской культуры, охватывает многочисленные процессы — социальное производство, социокультурное конструирование, (телесное) воплощение (embodiment) и дискурсивные практики (Low, 2014: 20–21). Такой подход нацеливает на анализ тех или иных аспектов *восприятия* городского пространства, которое интегрирует телесный опыт, семиотические процедуры, когнитивные конструкты, практики и структуры (вос)производства социальных отношений в процессе формирования пространственных представлений (Фень, 2012: 85–106). Городское пространство предстает как конструкт восприятия — обобщенный образ города и одновременно изменчивый конгломерат множественных образов мест города, сложившийся в сознании горожан в процессе означивания предметов и фрагментов городской реальности, который обусловлен как целями актуальной ситуации, так и предшествующим социокультурным и коммуникативным опытом. Возникающий образ города есть семантическая конструкция, культурно маркирующая пространство города, которая существует в виде слаборефлексируемых ментальных структур и отвечает системе intersубъективных значений и интрасубъективных смыслов городской картины мира (Пирогов, Петухов, 2017).

Основываясь на концептуальном видении, предложенном выше, данная работа стремится зафиксировать восприятие городской среды, выявив интерпретативные координатные сети конкретного города, благодаря которым его жители формируют опыт смысловой ориентации в городском пространстве. Решение поставленных задач осуществляется на основе анализа социокультурного пространства г. Новокузнецка (Кемеровская область — Кузбасс). В основу определения «человеческих размерностей» городского пространства положены 32 полуструктурированных интервью с жителями Новокузнецка, собранные автором в апреле–сентябре 2019 г. Применение качественной методологии позволяет сделать особый антропологический акцент на повседневной жизни в городе, охватывая социальную и культурную жизнь, которую люди ведут в городе, во всей ее сложности (Jaffe, Koning, 2016: 16). Предпринимая своего рода деконструкцию общего поля смысловых интерпретаций города, в данном исследовании городское пространство рассматривается *топологически*, как динамичная конфигурация различных пространственных опытов, имеющих качественную определенность благодаря структурирующим возможностям субъективного восприятия (Пирогов, 2010).

Топология повседневной среды горожанина

К пониманию пространства города как конструкта восприятия позволяет приблизиться изучение городской обыденности и повседневных практик горожан, поскольку именно по-

вседневность символически оформляет общий горизонт урбанистического со-бытия (Касаткина, 2011). Она задает социальный порядок, характеризующийся рутинностью, повторяемостью, опривычиванием, ориентируя жителей города на вписывание себя в урбанистическое пространство.

В первую очередь, город есть среда обитания — пространство существования человека, определяемое через потребности горожан, их трудовые будни и отдых, качество и уровень жизни. Поскольку именно за счет окружающей среды человек в жизненном процессе удовлетворяет свои потребности, город воспринимается через пространства потребления. Именно через посещение магазинов или потребительские практики осуществляется ориентация в городском пространстве и формируется пространственный опыт города: *«Вообще я гуляю мало, и все мои, так скажем, охваты своего района связаны с походами в магазин. Но магазины находятся достаточно близко к дому, и поэтому особой надобности дальше куда-то ходить и охватывать район нет»* (Ж, 21, учеба). (Здесь и далее — в кавычках курсивом приводятся цитаты из интервью; в скобках указаны социально-демографические характеристики информантов — пол, возраст и род деятельности соответственно)

Стремясь выявить социокультурное значение потребления в пространственных координатах города, примем в качестве тезиса, что любое экономическое взаимодействие предполагает нечто большее, чем просто обмен товара на деньги. Городские места потребления стимулируют процессы самоидентификации, становятся пространствами, где актуализируется проведение социальных границ и маркирования различий. На пространства потребления накладывается несколько сетей смыслов, приводящих к символической классификации мест. Их востребованность определяется следующим: «новое» место — появилось в обороте городской жизни достаточно недавно; насыщенность и разнообразие предоставляемых благ — более статусными оказываются места, где продаются не только различные товары первой необходимости, вроде еды, одежды и бытовой химии, но и имеются развлекательные площадки, кинотеатр; ценовой диапазон товаров — чем выше стоимость, тем менее символически доступными оказываются эти места торговли для посетителей. Особенно это касается торгово-развлекательных центров, таких коммуникативных площадок, которые символически предоставлены лишь для определенного контингента посетителей, условно маркируемого как «продвинутая молодежь». Эти пространства воспринимаются как культурно и социально гомогенные, и присутствие в них горожан, так или иначе не попадающих под доминирующий социальный тип потребителей, воспринимается как нарушение общественного порядка. При этом в восприятии некоторых горожан ТРЦ функционируют как типичные не-места, концептуальное понимание которых предложил М. Оже (Оже, 2017). Попадая в не-места, человек чувствует себя анонимным, обезличенным, у него не возникает конститутивной связи с частью пространства, а публичное выражение собственных запросов вызывает коммуникативные и психологические затруднения: *«Это (торговые центры. — А. П.) типа «Восток», «Новобайдаевка». Там есть продуктовые магазины, в которые ходят обычные люди — обычные, которые устали от своей работы; им лишь бы хлеб купить и уйти, они сильно на тебя не смотрят»* (Ж, 20, учеба).

Топологию среды обитания новокузнецчанина образуют определяемые не только в евклидовых координатах части пространства, но и мобильности. Антропологи уже давно заинтересованы в понимании того, как различные социальные и культурные группы ориентируются в своей среде. Мобильность оказывается адекватным социальным явлением в контексте современных процессов урбанистического пространства: транспортные потоки, в первую очередь, безрельсовые (автомобиль, автобус), реорганизуют пространство города. Однако такое соединение мобильности и визуализации преобразует не только манеру зрительного восприятия субъекта, но и сам мир, на который направлен взор — появляется новый пространственный опыт как результат *транспортной медиации* (Кузнецов, 2016): *«Я очень часто езжу на автобусе, и для меня город выглядит как вот эта дорога от вуза до дома. И*

поэтому вокруг них я и строю ... то есть у меня нет города в ширь, потому что по-другому я не так часто езжу» (Ж, 21, учеба).

Протяженность районов города и связанная с этим необходимость постоянных движений между ними конструируют особые ментальные границы между частями города, где за точку отсчета и точку притяжения принимается условный «центр города», символическое оперирование которым актуализирует представления о «периферии». Они предполагают диапазон означающих, начиная от низкой активности жителей, слабой насыщенности видами деятельности и значимыми социальными институтами, до старых ветхих зданий, в том числе деревянных, общей серости, отсутствия ярких точек в ландшафте: «У нас **спальный район, туда люди приезжают спать**. Там люди, кроме того, что живут, питаются и просто спят, ничего не делают, а в центре какая-то вечная движуха, **какие-то мероприятия, там работает много людей и много каких-то бизнес-центров**» (Ж, 28, работа в коммерческой организации).

Именно перемещения, задаваемые при этом материальными, физическими данностями, такими как остановки общественного транспорта, проезжая часть, протяженность улиц, автобусные поездки, производят значение как в отношении пространства, так и в отношении некоторых городских общностей и человеческой деятельности: «Многие, кстати, кто ездят из Кузнецкого и Орджоникидзевского районов по этому мосту (Левый берег р. Томи. — А. П.) в город, а потом домой обратно, понимают этот мост как такой центр пересечения и центр всего. Он связывает два берега реки, на которых **спальные районы и деловые, где люди работают**. И они вынуждены каждый день по этой дороге ездить» (Ж, 33, работа в коммерческой организации).

В целом, потребление и мобильность выступают как структурные элементы современной среды обитания горожанина. Воспринимая городское пространство через определенные ситуации потребления и перемещения, жители попадают одновременно и в физические, и в значимые социокультурные обстоятельства.

Городское зрение как медиатор пространственного восприятия

Конститутивными для восприятия городского пространства оказываются не только физические реалии городской среды или их смысловые интерпретации, но и сам опыт видения. Осмысленное в конструктивистском ключе видение выступает разновидностью социального действия, когда акцент делается не на визуальном образе объекта как таковом, а на акте рассматривания как деятельности по интерпретации действительности. В условиях неоднородной социальной и семиотической насыщенности урбанистической среды видение непременно фрагментарно: опыт пространства города составляют многообразные конфигурации видимого и невидимого, смотрения и незамечания (Самутина, 2014).

В первую очередь, видение определяет *городской визуальный опыт* — в зрительном восприятии города делаются акценты на выделяющихся, «крайних» объектах и территориях: «Сити Молл изначально — один из первых возникших современных торговых центров в городе. Он и остался в памяти, как **крупногабаритный торговый центр**» (М, 34, работа в коммерческой организации); «Собор, который построили недавно у нас в Орджоникидзевском районе. Я не помню, как он называется. Почему он? Ну, потому что он такой **яркий и его видно со всех сторон**» (М, 20, учеба).

Повседневное видение горожанина влечет за собой визуальную разметку пространства, где конкретные места, которые были вовлечены в семиотические процедуры субъективного придания смысла части пространства, были атрибутированы определенными визуальными знаками. В привычных маршрутах, связанных с прогулками или с ежедневными поездками от дома до работы/учебы, это могут быть остановки и крупные яркие здания: «**Спасо-Преображенский собор** — просто такая церковь, которая стоит практически на входе в

*Кузнецкий район» (М, 33, работа в коммерческой организации). В некоторых случаях происходит предельное редуцирование пространственных смыслов, в результате которого место становится всего лишь «объемным» аналогом дорожного знака: «Во время прогулок **стела Дружбы народов была нам маяком, чтобы мы туда перешли, на нужную сторону дороги после кольца» (Ж, 27, работа в коммерческой организации).***

Кроме того, такие опорные точки становятся визуальными маркерами смысловых различий, когда некоторая часть территории города в ее материальной наполненности становится границей, преодоление которой предполагает иные ожидания или реализацию новых практик: «*Остановка Герцена, потому что там рядышком жила моя бабушка, и я уже на тот момент такая: “ой, Герцена, скоро мне выходить”» (Ж, 19, учеба).* Знаки внешних границ города также придают смысловую наполненность местам, акцентирующим пределы «вместимости» городской идентичности. Знаки пересечения городской черты Новокузнецка коннотативно увязаны с некоторым чувством города: «*Символом назову стелу Новокузнецкую, потому что это та граница, хотя это не территориальная граница, потому что Новокузнецк раньше-то начинается. Но это именно тот символ, тот знак, который обозначает, что именно сейчас всё — ты в Новокузнецке, ты в Новокузнецке, а не где-то там» (Ж, 42, работа в коммерческой организации); «Точка отсчета, центр города для меня — это вокзал, несмотря на то, что он как бы на периферии находится. Для меня это центр, потому что туда приезжают поезда и оттуда отправляются в другой город опять, именно все путешествия ты начинаешь от вокзала» (М, 38, работа в коммерческой организации).*

При этом взгляд горожанина имеет социокультурные и символические пределы. В социальном видении города его жителями обнаруживается повседневная «слепота» — снижение интенсивности и концентрации визуального опыта в повседневном взаимодействии с городским пространством, когда субъект не проблематизирует городскую среду обитания. Возникший в процессе жизнедеятельности образ города задает типичу восприятия и поведения, то есть придает опыту определенную форму всеобщности через интенциональный процесс унификации (типизации) предметов, выделяя одни в качестве значительных и не замечая другие как нечто второстепенное и лишённое значимости: «*Когда человек живет в городе столько лет и когда он ходит по этим улицам каждый день, если он специально не сфокусирует свое внимание на чем-то, он пройдет мимо, ничего не замечая» (Ж, 47, работа в коммерческой организации).*

Наличие зон незамечаемого и невидимого есть симптом определенной социальной ситуации. За пределами видения оказываются неосвоенные, не вписанные в повседневность территории; они не попадают в пространство взгляда — не просто зрения, а умозрения, зрения, которое превращается в телесно-интеллектуальную форму, оставляя пробелы, пустоты на ментальной карте города жителя: «*Те улицы, которые не находятся в поле зрения надобности, и на них человек попадает только в определенных ситуациях, то есть это такие, не рутинные улицы, так их назовем» (Ж, 36, работа в коммерческой организации).*

Недостаточность или затруднение видения, обусловленные слабым или отсутствующим освещением пространств и помещений города, становятся маркерами социальных проблем, как материальных (например, неработающий фонарь), так и воображаемых (страхи). Темнота делает городского субъекта уязвимым, беззащитным, тем, кого могут застать врасплох. Слабая освещенность также становится выражением некомфортности места, его отталкивающей атмосферы, когда *не ясно видно* — в прямом и метафорическом смысле — что там происходит: «*В каждом районе есть места, типа закоулков и темных ... скопище гаражей <...> Потому что я девочка и возвращаюсь поздно домой, и не всегда чувствуешь себя защищенной, может быть такое, что идут люди нетрезвые или что еще» (Ж, 18, учеба).*

Таким образом, городское пространство становится пространством смыслов благодаря работающему городскому зрению, проблематизация которого позволяет подчеркнуть социальную природу соотношения центральных (видимых) и периферийных (невидимых) зон,

как в непосредственном опыте восприятия горожанина, так и в процессе создания им «ментальных карт» пространства.

Восприятие пространства и темпоральность городской жизни

Смысловую насыщенность пространству города придает его восприятие в событийной динамике. Город в темпоральной логике связан с рефлексивным восприятием «протяженности» городских объектов и явлений во времени и предстает как поток пространственно-временных изменений в физическом и социокультурном контекстах (Касаткина, 2017). Аналитически различимы два уровня: темпоральность субъекта (жителя города) и темпоральность города (как совокупности социальных процессов). При этом «живое» восприятие города обнаруживает взаимосвязанность субъективного пространственного опыта и включенность в более широкий социальный и исторический контекст городской жизни. Значимость такого источника смысловой интенциональности определяется тем, что прошлое и память о нем непременно обладают аффективной насыщенностью, создавая неповторимый опыт пространств и мест (Шишова, 2018).

Итак, воспринимаемое городское пространство становится активатором определенных смыслов, параметров и качеств в перспективе городской истории. В городском тексте культуры Новокузнецка доминирует мощный комплекс советской семантики. Новокузнецк представляет собой яркий пример (пост)советского индустриального города. Появившийся в XVII в. как военное поселение (Кузнецкий острог), город пережил бурный рост на волне индустриализации. И в современных условиях реформирования экономических отношений и структуры производства город, которому в наследство досталось пространство, во многом спроектированное исходя из мировоззрения и ценностей советской эпохи, продолжает «источать» прежний социальный порядок: укорененность социальной жизни города в труде и производственном процессе не потеряла свое первостепенное значение; специфические субкультура и конфигурация власти; довлеющий донныне статус «индустриального сердца Кузбасса»; периферийный культурный ландшафт. Кроме того, физическая городская среда, ее материальный облик сохраняет множество следов советского строительства и архитектурных решений ушедшей эпохи, включение которых в пространственный опыт горожан становится практикой городской памяти: *«Вот, например, улица Кирова, она же у нас вообще протянулась от проспекта Курако до Левого берега. И там сохранились постройки 30-х годов, 50-х и совсем современные, в 2000 году построенные. Конечно, интересно это все посмотреть, проследить — в стиле конструктивизма построенные дома, современная архитектура (Ж, 45, работа в государственной организации); «Вся Советская площадь, наверно, вбирает в себя ... как правильно сказать? Вот именно там можно проследить историю города от начала до советского периода. То есть весь этот временной отрезок, три века, можно там отследить» (М, 52, работа в коммерческой организации).*

Работа коллективного сознания по конструированию городского прошлого происходит в фрейме «наследия», который предполагает относиться к прошлому как к *достоянию* материального и духовного характера. Это исторические артефакты, формирующие специфический историко-культурный ландшафт и носящие определенную ценность для сохранения устойчивой локальной идентичности. Наследие Новокузнецка, в первую очередь, вещественное, предполагает от горожан почтительного и даже трепетного отношения, ориентированного на консервацию, музеефикацию советского архитектурного наследия: *«Так, допустим, эти проспекты, по которым мы ходим. Может, они несовременные, может быть, лучше снести их и наставить там какие-нибудь шестнадцатиэтажки, двадцатиэтажки. Но это не лучше, пусть они будут советские, старые, но все-таки это история, и стоит гордиться тем, что они у нас есть» (Ж, 57, работа в коммерческой организации).* Одним из распространенных сюжетов, связанных с наследием как формой современного культурного

производства, является ее охрана и сохранение. В связи с этим в пространственном опыте горожан возникают визуальные образы ремонтных работ как практического воплощения *ответственного отношения* к наследию: «*Это такая старая улочка (ул. Ленина. — А. П.) с трамваями, с маленькими домиками, вечно что-то реставрируется. Вот эти зеленые сеточки висят на каком-нибудь доме обязательно. Короче, улица, где пытаются сохранять старость всеми силами. Либо там что-то ремонтируется постоянно, либо там что-то подкрашивается*» (Ж, 33, работа в коммерческой организации).

Кроме того, переработка «советского» наследия оказывается востребована в практиках потребительского общества, так или иначе задействованных в современном (вос)производстве специфических представлений и свидетельств советской социальной реальности. Речь идет об эстетической объективации материальных остатков той эпохи, восприятие которых сообщает опыт «встречи с подлинным»: «*Там (кинотеатр «Октябрь». — А. П.) какой-то антураж, там вот эти стульчики как в театре, такие **старые, деревянные**, то есть в обычных кинотеатрах, в современных, в которые ты ходишь с детства, для тебя чего-то нового не происходит, а тут я внезапно попала как будто в параллельную вселенную. Тут произошел перелом моего сознания в плане того, что я увидела, **какая может быть картинка, как раньше выглядел кинотеатр**. Он прям внутри очень старенький, там холодно, там такая плесень по потолку, но там экран прям покруче всех современных. И винтаж: вот я вообще люблю все старое, мне очень нравится это*» (Ж, 21, учеба).

При этом прошлое чаще всего очищается, дезинфицируется и, как правило, становится ностальгическим. Оно начинает циркулировать в городской картине мира как романтизированное воспоминание, заставляет ушедшие времена казаться уютными и желанными. Возвращение к «советскому» через ностальгию становится актуальной социальной эмоцией, которая предоставляет возможности для преодоления кризиса коллективной идентичности, который демонстрирует постсоветская реальность. Благодаря медиатизирующему свойству практик коллективного воспоминания через обращение к представлениям о советской действительности конструируется коллективное «мы», причастность к которому человек активно переживает. В ходе ностальгического переосмысления прошлого приобретают новый смысл и повышенную ценность определенные стороны «советского» как, прежде всего, особого типа социальности, акцентирующего многообразие форм коллективности, способы и типы переживания коммунальности, практики совместного существования. Восприятие городских пространств вызывает образы советской действительности — специфические «советские» практики и некоторые коммуникативные особенности «советских» людей, которые представляются социокультурной утопией: «*Дома такие смешные, трехэтажки: они все обшарпанные, абсолютно обшарпанные; у них есть не балкончики, а такие навесики, где белье можно сушить, даже на первом этаже. Там пахнет краской, там дворы просто разбитые абсолютно <... > Они отличаются этой **советской непринужденностью, когда люди были более дружелюбные, когда все было проще, общение было проще**. Какой-то именно **непринужденностью, простотой и легкостью, что там мороженое по 10 копеек...**» (Ж, 23, учеба). На примере данной цитаты из интервью можно зафиксировать еще один показательный эпизод в конструировании городской идентичности. Поскольку информант в силу возраста не мог быть «свидетелем» повседневности советского мира, то его ностальгия обращена к отсутствующим в персональном опыте или даже вымышленным представлениям, которые кажутся значимыми и привлекательными. В этом случае она проявляет себя в форме переживания «ностальгии без памяти/воспоминаний» (Сапогова, 2019). В такой перспективе городские места активируют особые аффективные регистры, «замкнутые» на травмирующих вопросах идентичности и социального бытия городского сообщества.*

Образ восприятия города, кроме того, предполагает опространствление личных воспоминаний конкретного горожанина и событий индивидуальной биографии. Городской опыт предстает как темпоральное пространство личности. При этом пространственную локализацию

цию имеют преимущественно детские воспоминания — время начала субъективного освоения среды обитания и яркости первого пространственного опыта. Большое значение имеет контекст освоения ребенком пространства города: он связан с нарушением запрета родителей на посещение определяемых ими как «не детские» мест («чужих» дворов, водоемов, торговых центров). Он сопровождается особыми практиками лжи и утаивания: *«Есть у нас такое озеро Песчанка, я не знаю, живо оно или нет, то есть высохло оно или нет, но часто в детстве в тайне от родителей мы туда ходили. Почему я его обозначила? Потому что мы часто очень от родителей скрывали это и шли с подругой. Приключение такое»* (Ж, 20, учеба); *«Может быть, парочка детских площадок, на которых я в детстве играла. В детстве мне туда было нельзя, и было так интересно туда ходить — там были качели намного лучше, чем у меня во дворе, где я играла»* (Ж, 25, работа в коммерческой организации).

Означенность некоторых мест Новокузнецка в перспективе личной биографии связана с кардинальными переменами в субъективном опыте, предполагающем новые возможности для обживания и использования города. В первую очередь, это проявляется в получении доступа к новым пространствам города, который связан со снятием родительского запрета. Дальнейшее их освоение становится необходимым этапом взросления, который, помимо прочего, сопровождается формированием новых социопро пространственных практик: *«Я назову ТРЦ. Это связано с моим подростковым взрослением, и там произошел такой перелом моего мышления замкнутого, когда я боялась народа, боялась, что меня осудят. <...> В ТЦ я сама прошла какой-то путь опыта, когда я из застенчивого подростка превратилась в более или менее спокойного»* (Ж, 19, учеба).

Субъективную релевантность места города получают не столько благодаря событиями, сколько переживаниям этих событий горожанином. Так, смысловые связи с частью городского пространства устанавливаются через яркие эмоции «первых» ситуаций (первая влюбленность, первый поход в храм), страхи, длительные рутинные практики (учеба в школе, рабочие будни), редкие памятные даты (свадьба, концерт известной группы).

Таким образом, разворачивание городской жизни во времени непременно получает отражение в пространственном опыте городских субъектов. Городское пространство во многом формирует темпоральность личного мироощущения, вписанного в общий горизонт урбанистического со-бытия.

Заключение

Городу, как антропологическому феномену, присуща непредзаданность значений. Это справедливо прежде всего в отношении городского пространства, смысловое содержание которого имеет множество точек, оформленных в процессе субъективного восприятия. Горожане благодаря конструктивным возможностям восприятия формируют представления о своем жизненном пространстве, образуемые динамикой городских смыслов во времени и пространстве. При этом интерпретативность городского пространства, то есть его семантический характер и предметность знаков и коммуникативность значений и смыслов, которыми оно обладает, формирует поле постоянных и непрерывных смысловых взаимодействий, подвижности значений и символов, к которому подключаются процессы воображения и памяти. Обращаясь к социокультурной реальности Новокузнецка, данная работа предлагает понимание городского пространства как конструкта восприятия, порожденного динамикой и комплексностью пространственных опытов горожан. Образ пространства Новокузнецка структурирован несколькими топологическими «слоями». Первостепенное значение для жителя имеет опыт смысловой ориентации в повседневной городской среде, являющейся пространством сосуществования ее обитателей, в котором реализуются их потребности, трудовые будни и отдых. В становлении пространственного опыта большое значение имеет особый навык городского зрения, который принимается как «естественный» и благодаря собст-

венной конфигурации, культурно и исторически обусловленной, задает возможность различимости, пространственной структурности города. Кроме того, при формировании образа городского пространства важны не только факторы места и ситуации, но и времени, темпоральности городской жизни. Благодаря субъективному переживанию событий, помещенных в контекст городского пространства, происходит «со-творение» города как осмысленного человеком жизненного пространства, релевантного как индивидуальной биографии жителя, так и городской истории и коллективной памяти. Таким образом, городское пространство получает свою антропологическую размерность благодаря субъективному пространственному опыту, чувствительному к временной данности пространственных образов в сознании горожанина, значению конкретной части пространства на его ментальной карте города, а также релевантности специфически локальных характеристик городской среды.

Литература:

- Аванесов С. С.** Городское пространство как антропологический феномен // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.
- Бахманн-Медик Д.** Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре ; пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Гарнага А. Ф.** Направления современных исследований города и городских пространств // Социология. 2020. № 1. С. 102–107.
- Касаткина С. С.** Городская повседневность как направление социально-философских исследований // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 3. С. 89–92.
- Касаткина С. С.** Темпоральность как философский параметр концепта системы города // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 3. С. 278–281.
- Кузнецов А. Г.** Визуальная экология транспортных медиаций // Визуальная экология: формирование дисциплины: коллективная монография ; под ред. В. В. Савчука. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 171–196.
- Оже М.** Не-места. Введение в антропологию гипермодерна ; пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 55 с.
- Пирогов С. В.** Топология городской жизни // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 333. С. 44–46.
- Пирогов С. В., Петухов А. С.** Феноменолого-когнитивная концепция города и её теоретические экстраполяции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 3. С. 120–130.
- Потанина Н. Л., Гололобов М. А.** Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.
- Самутина Н. В.** Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz и невидимое сообщество видящих // Микроурбанизм. Город в деталях: сб. статей; под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 316–345.
- Сапогова Е. Е.** Экзистенциально-психологические аспекты переживания «ностальгии без памяти» // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 28–45.
- Сертакова Е. А.** Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярск). Дисс. ... канд. филос. н. Красноярск, 2014. 172 с.
- Федотова Н. Г.** Urban imaginaty: визуальные маркеры городского воображаемого // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
- Фень Е. Г.** Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города. Дисс. ... канд. филос. н. Москва, 2012. 142 с.
- Шишова Е. С.** Атмосфера городских пространств: от метафоры к языку описания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (4). С. 85–103.
- Jaffe R., de Koning A.** Introducing Urban Anthropology. London; New York: Routledge, 2016. 196 p.
- Low S. M.** Spatialities // A Companion to Urban Anthropology ; ed. by D. M. Nonini. Oxford: Wiley-Blackwell Publ., 2014. P. 15–28.
- Prato G. B., Pardo I.** Urban Anthropology // Urbanities. 2013. Vol. 3. № 2. P. 80–110.

Пискунова Александра Евгеньевна, магистр антропологии,
специалист отдела профессиональной ориентации.

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Ул. Циолковского, д. 23, г. Новокузнецк, Кемеровская область, 654041.

E-mail: alexpiskunova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2022 г.

A. E. Piskunova

URBAN SPACE AS A CONSTRUCT OF PERCEPTION: THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF NOVOKUZNETSK

The article addresses the understanding of the problematic of “man in the city”. Semantic intentionality related to urban space is fundamental for the urban person because it amounts to a continuum of coexistence, communications, interactions, relationships, and needs. The study provides a perspective of understanding the city space as a value-semantic construction of reality formed in the process of subjective perception. The issue involves analytical work within the framework of an anthropological approach in understanding of urban life. The interpretation of the variety of contents of citizens’ spatial experiences as situational and semantic is carried out in a communicative and semiotic way. It is consistent with the phenomenological and cognitive interpretation of urban space.

Throughout the article, the space of the city, experienced as an anthropological phenomenon, is understood in relation to the specifics of a particular object space and the “urban imaginary”, which is situational and city-fixed consciousness. It was revealed that in the process of urban space perception different dimensions become relevant, such as the material (the material environment created by people: transport infrastructure, parks, buildings.), the social (social interactions and communications of individuals and groups, the way in which they use parts of urban space), the symbolic (how certain signs, symbols, representation systems, specific images construct places). In general, the citizen’s spatial experience is set by a semantic dichotomy in varying degrees of “habitable” and “uninhabited” urban spaces. At one pole, there are frequently visited places inscribed in the everyday order of life. At the other, there are rarely or not visited parts of the city, whose the space texture differs from routine.

In conclusion, the findings show that the citizens have the requirement to organize the disparate sensations and experiences of the urban space and to form a holistic image of the city. It becomes the task of semantic and axiological correlation with specific places. The article has been demonstrated it by focusing on the everyday life spaces, the specificity of (social) vision in the city and subjective experiences of the urban life temporality.

Keywords: *urban space, image of the city, space perception, urban anthropology, city daily occurrence, topology.*

References:

- Avanesov S. S.** Gorodskoe prostranstvo kak antropologicheskij fenomen [Urban space as anthropological phenomenon]. PRAXEMA. Problemy vizual'noj semiotiki [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics]. 2018. № 2 (16). P. 10–31. (in Russian)
- Bahmann-Medik D.** Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture ; per. s nem. S. Tashkenova [Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: NLR, 2017. 504 p. (in Russian)
- Fedotova N. G.** Urban imaginary: vizual'nye markery gorodskogo voobrazhaemogo [Visual markers of the urban imaginary]. PRAXEMA. Problemy vizual'noj semiotiki [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics]. 2020. № 1 (23). P. 121–139. (in Russian)
- Fen' E. G.** Osnovnye kategorii fenomenologicheskoy filosofii prostranstva v sovremennyh issledovaniyah goroda. Diss. kand. filos. n. [The main categories of the phenomenological philosophy of space in modern urban studies. Ph. D. (Philosophy) diss.]. Moscow, 2012. 142 p. (in Russian)

- Garnaga A. F.** Napravleniya sovremennyh issledovaniy goroda i gorodskih prostranstv [Directions of modern research of the city and urban spaces]. *Sociologiya* [Sociology]. 2020. № 1. P. 102–107. (in Russian)
- Jaffe R., de Koning A.** *Introducing Urban Anthropology*. London; New York: Routledge, 2016. 196 p.
- Kasatkina S. S.** Gorodskaya povsednevnost' kak napravlenie social'no-filosofskih issledovaniy [City daily occurrence as social philosophy investigation field]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [The Bulletin of Kostroma State University]. 2011. T. 17. № 3. P. 89–92. (in Russian)
- Kasatkina S. S.** Temporal'nost' kak filosofskij parametr koncepta sistemy goroda [Temporality as a philosophical parameter of the concept of the city as a system]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [The Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2017. T. 27. № 3. P. 278–281. (in Russian)
- Kuznecov A. G.** Vizual'naya ekologiya transportnyh mediacij [Visual ecology of transport mediation]. In Savchuk V. V. (ed.) *Vizual'naya ekologiya: formirovanie discipliny: kollektivnaya monografiya* [Visual ecology: the formation of a discipline]. Saint-Petersburg: Publ. RHGA, 2016. P. 171–196. (in Russian)
- Low S. M.** Spatialities. In Nonini D. M. (ed.) *A Companion to Urban Anthropology*. Oxford: Wiley-Blackwell Publ., 2014. P. 15–28.
- Ozhe M.** Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna [Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity]; per. s fr. A. Yu. Konnova. Moscow: NLR, 2017. 55 p. (in Russian)
- Pirogov S. V.** Topologiya gorodskoj zhizni [Topology of city life]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. [The Bulletin of Tomsk State University]. 2010. № 333. P. 44–46. (in Russian)
- Pirogov S. V., Petukhov A. S.** Fenomenologo-kognitivnaya kontseptsiya goroda i ee teoreticheskie ekstrapolyatsii [Phenomenological-cognitive concept of the city and its theoretical extrapolations]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. 2017. T. 6. № 3. P. 120–130. (in Russian)
- Potanina N. L., Gololobov M. A.** Gorodskoj tekst kak teoreticheskaya problema [Urban text as a theoretical problem]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regionalism]. 2012. № 1 (7). P. 32–37. (in Russian)
- Prato G. B., Pardo I.** *Urban Anthropology. Urbanities*. 2013. Vol. 3. № 2. P. 80–110.
- Samutina N. V.** Pruzhinki Gamburga: graffiti-rajter Oz i nevidimoe soobshchestvo vidyashchih [Springs of Hamburg: Graffiti writer Oz and the invisible community of seers]. In Brednikova O., Zaporozhec O. (ed.) *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah: sb. statej* [Micro-urbanism. The city in detail]. Moscow: NLR, 2014. P. 316–345. (in Russian)
- Sapogova E. E.** Ekzistencial'no-psihologicheskie aspekty perezhivaniya «nostal'gii bez pamyati» [Existential-psychological aspects of «nostalgia without memory» experience]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education]. 2019. № 2. P. 28–45. (in Russian)
- Sertakova E. A.** Sociokul'turnoe prostranstvo sovremennogo rossijskogo goroda (na materiale analiza g. Krasnoyarska). Diss. kand. filos. n. [Socio-cultural space of a modern Russian city (based on the analysis of Krasnoyarsk). Ph. D. (Philosophy) diss.]. Krasnoyarsk, 2014. 172 p. (in Russian)
- Shishova E. S.** Atmosfera gorodskih prostranstv: ot metafory k yazyku opisaniya [The Atmosphere of Urban Spaces: from Metaphor to Description Language]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2018. № 21 (4). P. 85–103. (in Russian)

Piskunova Aleksandra Evgenievna, master of anthropology,
specialist of the professional orientation department.

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University.

23 Tsiolkovsky st., Novokuznetsk, Russia, 654041.

E-mail: alexpiskunova@mail.ru